

ЧЕТЫРЕ

ГЕРОИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

БАШНИ

ЯРОСЛАВ КУШТЫНОВ
ВЛАДИСЛАВ ЗЮЗИН

12+

Ярослав Куштынов

Четыре башни

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куштынов Я.

Четыре башни / Я. Куштынов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга о любви, одиночестве и неоднозначности добра и зла. Герои повести – сильные духом люди, и каждый из них по-своему успешен, однако по воле судьбы или случая оказался в месте, где придется заглянуть в лицо смертельной опасности и где друзья, заслуги, деньги и власть ничего не решают. В месте, где вскрываются настоящие сущности каждого и люди впервые в жизни узнают, кто они такие на самом деле и что для них важно, а что нет. Осталось только выжить.

© Куштынов Я., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Дом тысячи сабель	5
Серхио Эрнандес Гарсия	9
Глава 2. Красота в глазах смотрящего	10
Лаутаро Эрнандес Гарсия	14
Глава 3. Уйти, чтобы вернуться	15
Хоук	19
Глава 4. По разным полюсам	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Дом тысячи сабель

Лучи полуденного солнца с трудом пробивались сквозь плотную ткань багровых занавесок. В последние несколько лет поместье “La casa de los mil sables” напоминало лишь угасшую версию самого себя. По углам витражных окон виднелись узоры паутины, рамы картин покрылись сединой толстого слоя пыли, а давно забытый камин никому и не приходило в голову расчищать.

Причиной такого состояния дома послужили кадровые репрессии, что устроил сеньор Серхио Эрнандес Гарсия своей прислуге. Буквально сразу после трагедии, настигшей семью Гарсия, Серхио распустил более половины подчиненных. Взгляды, полные сочувствия, которые он непрестанно ловил на лицах, раздражали его.

– Нет ничего хуже жалости, – не уставал повторять себе Серхио.

Прошло уже два года после трагедии. Два долгих года, которые он провел в борьбе за рассудок своего сына Лаутаро. Два года интенсивной терапии в лучших клиниках мира, ежемесячные осмотры у самых квалифицированных специалистов. Все без толку. Никто не мог вернуть семье Лаутаро Эрнандеса Гарсию. Два года Серхио ведет войну за жизнь своего сына, и пока он ее проигрывает.

Родовое поместье Гарсия, или «Дом тысячи сабель», как его прозвали в народе, располагалось неподалеку от Лома Верде, что в паре часов езды от Буэнос-Айреса. Об этом доме знал каждый юноша, который мечтал связать жизнь с военным ремеслом. Семья Гарсия на протяжении пяти поколений дарила стране талантливых военных. Среди них были обычные солдаты и высокопоставленные командиры. Но наибольшую славу и общественное признание снискал действующий глава семьи – Серхио Эрнандес Гарсия. В 1983 году, незадолго до рождения сына, он участвовал в военной операции по свержению последней аргентинской диктатуры и был награжден орденом за героическую доблесть в бою. Будущее страны и будущее наследника для Серхио были одинаково важны.

Пятнадцать минут назад часы пробили двенадцать. Напряженное ожидание понемногу сводило Серхио с ума. Гость должен был прибыть в полдень. Если бы не хвalebные отзывы о таланте Хавьера Армандо, ведущего невролога страны, Серхио не спустил бы такой наглости. Гневные раздумья прервал звонок в дверь.

«Наконец-то!» – подумал Серхио Эрнандес Гарсия, поднялся с кресла, по офицерской привычке автоматически проверил прическу и костюм в зеркале и направился встречать опоздавшего гостя. Перед ним предстал мужчина средних лет, высокого роста, одетый в скромный, но элегантный деловой костюм.

– Прошу прощения за опоздание, сеньор Гарсия. Путь до вашего дома очень витиеватый, а водитель я довольно посредственный.

– Воспоминание о непунктуальности пропадет из моей памяти, если вы будете хотя бы наполовину так же хороши, как о вас говорят. Прошу, проходите. Комната моего сына на втором этаже.

Дорога до комнаты Лаутаро показалась Хавьеру длиннее, чем дорога от Буэнос-Айреса до поместья. Хозяин дома на сто процентов соответствовал описанию, которое Хавьер слышал от коллег: прямолинейный, властный, строгий. Впрочем, разве военные бывают другими?

Серхио дошел до последней комнаты восточного крыла и обратился к доктору:

– Я не мог не заметить вашу травму, доктор Армандо, – взгляд Серхио указывал на забинтованный палец левой руки врача.

– Не стоит беспокоиться, сеньор Гарсия. Случайно защемил палец, когда закрывал дверь своего кабинета. Такое часто со мной происходит, хоть в церковь иди, – попытался пошутить и разрядить обстановку доктор.

– Единственное, что меня беспокоит, не помешает ли вам травма руки в работе, – холодно отрезал Серхио, отчего по спине врача пробежали мурашки.

– Ни в коем случае, сеньор Гарсия. Тем более я правша.

Услышав устраивающий его ответ, Серхио открыл дверь комнаты и сухо произнес:

– Входите.

Комната Лаутаро не напоминала покои больного. Она была аккуратно убрана, в отличие от других помещений поместья. На стенах висели многочисленные грамоты, медали и воинские награды. Помимо аккуратно сложенных на столе медицинских документов, ничто не выдавало истинного состояния Лаутаро Эрнандеса Гарсии. В воздухе стоял легко узнаваемый сливово-ежевичный аромат мужского одеколона «Мальбек», которым пользовались глава семейства и его сын.

Впрочем, хозяин комнаты тоже не был похож на больного. Молодой мужчина, одетый в белоснежную рубашку и брюки, сидел в кожаном кресле прямо по центру просторного помещения. На его лице проступала аккуратно выбритая щетина, а длинные черные, словно смола, волосы были собраны в аккуратный пучок. Лаутаро никак не отреагировал на вошедших. Он непрерывно смотрел на экран телевизора, который транслировал концерт Андреа Бочелли.

Хавьер из вежливости попытался поприветствовать пациента, но еще до того, как он произнес хоть что-то, Серхио перебил его:

– Можете не стараться, доктор. Лаутаро вам не ответит. С тех пор как шрапнель повредила ему мозг, он не понимает, где находится, не узнает ни меня, ни кого-либо другого. Целыми днями он сидит, уставившись в сторону телевизора. Не уверен даже в том, что он его смотрит.

– В таком случае я для начала его осмотрю, – понимающе кивнул врач.

Доктор Армандо приступил к осмотру. Серхио отошел в сторону и отстраненно, словно безучастно наблюдал за работой. Казалось, он был готов ко всему. Лаутаро прошел через руки и умы бесчисленного количества лучших врачей всевозможных специальностей за эти казавшиеся Серхио бесконечными два года. Все производимые манипуляции были волей-неволей заучены им наизусть.

Общий осмотр: температура, давление, состояние кожи, ногтей и слизистых. Затем короткая оценка психического статуса: отсутствие сознательной речи, понимания, гнозиса, праксиса... даже по тому, как строчит Хавьер в своих заметках, Серхио понимал, каким будет следующий шаг, и, будто заскучав, отвернулся к окну.

Около получаса доктор упорно оправдывал статус лучшего невролога страны, уделяя пристальное внимание каждой детали: черепные нервы, чувствительность, двигательные рефлексы, сосуды... умело орудуя неврологическим молоточком и фонариком, он не оставил без внимания ни сантиметра тела безразличного к происходящему Лаутаро.

После необходимых процедур доктор Армандо произнес:

– Я хотел бы ознакомиться с медицинскими заключениями, составленными моими коллегами.

– Они на письменном столе по левую руку от вас, – сказал Серхио и указал взглядом на переполненный документами стол, – упорядочены по хронологии. Бездарь бриташка, что работал здесь до вас, смог их хотя бы аккуратно сложить.

Доктор облизнул засохшие губы и направился в сторону письменного стола. Однако, когда Армандо проходил мимо кровати, правой ногой он задел массивное изножье, что повлекло неминуемое падение на уже поврежденную руку. По иронии судьбы, комната, которая давно не слышала ничего, кроме трансляций концертов классической музыки, наполнилась истошным воплем врача.

– Твою мать! Святая Дева Мария, как же больно! Сеньор Гарсия, прошу, помогите мне встать! – кричал доктор.

Крики врача прошли сквозь уши Серхио, словно вода через сито. Все его внимание было приковано к сыну, голова которого повернулась в сторону Хавьера, а взгляд излучал предметный интерес к мукам, которые испытывал бедолага.

«Два года! Два долгих года внимание Лаутаро ничто не могло привлечь. Что сейчас происходит? – мысли Серхио бились друг о друга, как рой мух в закрытой банке. – Неужели? Нет, это какой-то бред!»

– Сеньор Гарсия, вы меня слышите? Помогите, по-моему, я сломал палец! – преодолевая боль, с трудом выдавил из себя Армандо.

Медленными, неуверенными шагами Серхио подошел к корчащемуся на полу доктору. Взгляд сына непрерывно следил за происходящим.

– Я должен удостовериться, – убедил себя Серхио. – Доктор, простите.

– За что? Вы...

Не дослушав врача, Серхио нанес увесистый удар ногой по поврежденной руке гостя. Комната вновь наполнилась болью. Серхио обернулся и увидел, что тело его сына повернуто вполоборота и что тот с неподдельным интересом наблюдает, как багровые пятна крови медленно проявляются на белоснежной поверхности бинта, а доктор корчится в муках на полу.

От полученного удара легкие Хавьера выпустили из себя остатки воздуха, не оставив ему возможности произнести проклятья в адрес чокнутого вояки. Серхио бросился в сторону телевизора и начал лихорадочно переключать каналы.

– Не то, не то, не то... ВОТ!

Его выбор пал на исторический канал, где транслировались ужасы Второй мировой войны. Фильм был посвящен зверствам Освенцима и проводимым там экспериментам по изучению влияния химических веществ на человеческий организм. На кадрах документальной хроники было запечатлено, как испытывались новейшие фармацевтические препараты и как заключенных искусственно заражали малярией, гепатитом и другими смертельными заболеваниями. Внимание Лаутаро переключилось на фильм. Он больше не был похож на умалишенного. Он скорее напоминал чем-то чрезмерно увлеченного человека. Через пару мгновений его губы зашевелились в попытке произнести что-то членораздельное.

– Где я? Кто я? – сорвалось с губ больного.

Серхио проглотил ком размером с кулак боксера, застрявший в горле, и произнес:

– Ты – Лаутаро Эрнандес Гарсия. Мой сын. Два года назад ты получил травму головы, после чего потерял способность говорить, двигаться и мыслить. Но теперь это позади.

– Мне жаль вас расстраивать, сеньор Гарсия, – донеслось из другой части комнаты. По всей видимости, нестерпимая боль проиграла проснувшемуся любопытству, и доктор пришел в себя. – То, чему мы стали свидетелями, – не чудо, а лишь последствия пережитой травмы. У вашего сына повреждения префронтальной коры головного мозга. Эта область отвечает за управление мыслительной и моторной активностью, играет главную роль в создании когнитивных схем и планов действий, принятии решений, а также контроле и регуляции социального поведения. Боль, насилие и тому подобные вещи стимулируют поврежденную область мозга, возвращая вашему сыну возможность коммуницировать, но этот эффект не вечен. Мозг придется постоянно стимулировать, иначе сознание опять пропадет в чертогах разума. К сожалению, постоянно стимулировать мозг подобным образом крайне затруднительно, если вообще возможно.

– Доктор Армандо, я заплачу вам вдвое больше оговоренной суммы, если вы поклянетесь забыть, что сегодня произошло в этом доме. Вы никому не расскажете ничего о случившемся, а я, в свою очередь, отправлю рекомендательное письмо в Министерство здравоохранения, в котором буду ходатайствовать о вашем немедленном повышении. Поверьте, у меня остались там влиятельные друзья.

– Сеньор Гарсия, это очень щедро с вашей стороны, но...

– ВОН! – прогремел Серхио, будто пытался приструнить своего подчиненного. Благо опыта у него хватало.

– Как вам угодно, – произнес Хавьер. У него самого давно не осталось никакого желания задерживаться в этом доме. Он поднял свой портфель и, хромая, вышел из комнаты.

– О чем он говорил? – прошептал Лаутаро.

– Это уже не важно.

Серхио наслаждался каждой секундой, пока его сын находится в сознании.

– Доктор сказал, что возвращение сознания несет временный характер? – сам себе напомнил Серхио. – Что ж, у меня родился план, как с этим справиться.

Нехотя Серхио убрал руку с плеча сына и достал телефон. На память он набрал номер, который рассчитывал не вспоминать до конца жизни. После нескольких секунд ожидания он провел один из самых коротких и одновременно самых тяжелых разговоров в своей жизни:

– Алло, это Гарсия. Скажи, как мне найти то место, о котором мы говорили три года назад? Координаты? Записал. Когда вылетает самолет? Через месяц? Отлично. Да, возможно, у меня есть пассажир.

Серхио закончил телефонный разговор, обернулся и посмотрел на сына. Слепой взгляд Лаутаро снова был устремлен в зияющую бездну экрана. Надежда и чувство неистовой радости разбились в прах его твердую душу, и на глаза навернулись никогда еще не изведенные слезы, которые он немедленно стер рукавом пиджака.

Оставшуюся часть дня Серхио провел в комнате сына. Внезапное потрясение запустило в голове механизм, в совершенстве отлаженный долгими годами военной службы. За несколько часов он разработал план, включающий в себя физическую и психологическую реабилитацию сына. Он понимал, что два года в вегетативном состоянии могут сломить даже такого сильного духом человека, как Лаутаро. На секунду ему показалось, что он вернулся в прошлое: Серхио вновь чувствовал себя военачальником, от действий которого зависят жизни других людей. Сейчас же в его руках лежала судьба человека, жизнь которого он ценил превыше любой другой.

Много часов Серхио оставался погруженным в глубокие раздумья. В голове своей он словно сражался с Лернейской гидрой: стоило ему найти решение на один вопрос, на его месте появлялись два новых.

Серхио был уверен лишь в одном: ближайший месяц станет для него и Лаутаро самым тяжелым в жизни. Но он сделает все, что в его силах, чтобы победить в этой битве, не щадя ни себя, ни свое дитя.

– Нет ничего хуже жалости... – сказал он и посмотрел на лист бумаги, на котором после телефонного разговора было записано только два слова: Сонидо Форте.

Серхио Эрнандес Гарсия

Возраст: 55 лет

Рост: 180 см

Цвет волос: угольно-черный

Телосложение: среднеатлетическое

Цвет глаз: карий

Внешность: Высокий мужчина с волевыми чертами лица. Нос прямой, немного впалые щеки, аккуратно выстриженная короткая борода с усами. Тонкие губы, густые брови с проседью. Лицо немного морщинистое. Одевается в основном в дорогие строгие костюмы. При чтении пользуется очками, но при желании может обойтись и без них.

Навыки: Выдающийся тактик, мастер шпионажа. Искусно владеет как огнестрельным, так и холодным оружием. Обучен рукопашному бою и борьбе.

Бывший высокопоставленный военнослужащий аргентинской армии. Генерал запаса. Имеет ряд государственных наград, в том числе Крест за героическую доблесть в бою. Принимал участие в военной операции по свержению последней аргентинской диктатуры в 1983 году.

Тридцать лет провел на службе в вооруженных силах Аргентины. Руководил специализированным подразделением, основными задачами которого были профилактика, предупреждение и устранение угроз безопасности государства. Темперамент Серхио не характерен для типичного латиноамериканца. Он спокоен, абсолютно лишен проявления эмоций, вкрадчив и немногословен. Искренне верит, что нет ничего важнее семьи и приумножения ее славы. Безмерно любит своего единственного сына, которого с детства обучал военному делу. Немного расист.

Глава 2. Красота в глазах смотрящего

Утреннюю тишину прервал скрежет иглы по виниловой пластинке. Звонкий голос Касс Эллиот заставил мои глаза открыться.

– Nobody can tell ya, there's only one song worth singing...

Последние три недели я посвятил тому, чтобы вернуть тело в былую кондицию. Все-таки два года аморфного существования дают о себе знать. Сколько я потерял килограммов? Пять? Десять? Пятнадцать? Сложно ответить. Первая неделя ушла на то, чтобы заново научиться уверенно стоять на ногах. Никогда не ощущал себя таким беспомощным... такое чувство, что дух мужчины поместили в тело дряхлого старика, словно молодое вино в ветхие меха. По прогнозам врачей, навыки примитивной моторики должны были вернуться через пару месяцев интенсивных занятий с физиотерапевтом. Я справился за неделю. Мог бы и быстрее, но даже отец сказал, что времени у нас достаточно и подобная спешка ни к чему.

Вторую неделю я посвятил физическим упражнениям с собственным весом: подтягивания, отжимания, сгибания корпуса, чтобы восстановить утерянные умения и навыки.

Неожиданно нахлынувшая злость заставила сжать руками края простыни. Сейчас я лишь бледная тень бывшего Лаутаро! Шарж, нарисованный уличным художником-недоучкой! Осталось несколько дней до вылета, а я еще не готов!

Мое внимание переключилось на открытую дверь комнаты. На пороге стоял отец, держащий в руках красную записную книгу.

«Сколько часов в день он спит?» – спросил я себя. По моим подсчетам, не больше четырех. Хех, будучи в сознании, я приношу ему только больше проблем. У Господа определенно есть чувство юмора.

– Мы опаздываем. Прими душ и спускайся на завтрак, – отец не разменивался на лишние слова, к этому я уже давно привык.

– Буду через десять минут, – кивнул я.

– Когда был последний приступ? – открыв записную книжку, спросил он, словно доктор на обходе.

– Вчера в 23:30, кажется.

– Отлично, интервал увеличивается. Это хорошая новость, – не без энтузиазма произнес отец, бегло просмотрел записи предыдущих дней и покинул комнату.

Я лениво встал с кровати и замер, разглядывая свое обнаженное тело в зеркале. Мне с трудом удавалось сдерживать рвотные позывы от нахлынувшего отвращения. На меня смотрело существо, напоминающее скорее обтянутую кожей деревянную куклу: впалые глаза, болезненно острые скулы, тонкая шея и провалившиеся почти насквозь щеки.

За время, проведенное в беспамятстве, я потерял больше половины мышечной и жировой массы, из-за чего кожа на лице и теле казалась неестественно натянутой, выпячивая кости и суставы. При каждом вдохе я отчетливо видел свои незащищенные мышцами ребра и впалый живот. Мерзость. Я презрительно отвел взгляд, подошел к шкафу, спешно надел первую попавшуюся одежду и спустился в гостиную.

Отец уже закончил сервировку стола. От прислуги пришлось отказаться окончательно, поскольку отец считал, что лучше никому не видеть, каким способом я поддерживаю свой раскус в хрупком равновесии. На завтрак будет подана свежая телятина. В этом я абсолютно уверен, поскольку только вчера самолично прирезал и распотрошил молодого бычка. Кем я теперь стал? Забиваю и разделываю кур, режу свиней и быков, чтобы утолить безмерное чувство жестокости. В первое время интервал между приступами продолжался не больше часа. Теперь у меня есть примерно семь часов.

– Лаутаро, не витай в облаках. Быстро поешь, и примемся за дело, – прервал мои раздумья отец.

– Да, прости. Дурные мысли в голову лезут.

– Так поделись ими со мной! Или у тебя есть собеседник получше? – съязвил старик.

Не знаю, связано ли это с тем, что в последнее время я стал грозой всего домашнего скота, но после этих слов мне захотелось всадить вилку ему прямо в руку. Умом, если этот термин ко мне можно применить, я понимал, что таким образом он убеждает меня, что все происходящее – временные трудности, не стоящие переживаний. Но, черт его дери, мне двадцать девять, а не одиннадцать! Кого ты пытаешься обмануть, старик?!

Подобное предложение заставило меня усомниться в том, что я сижу за столом со своим родным отцом. Даже под дулом пистолета я не смогу вспомнить, когда старший Гарсия в последний раз предлагал поговорить с ним по душам. В моем детстве его забота выражалась только в виде муштры, порой перерастающей в садизм. Я отлично помню наши спарринги: как только мне стукнуло шестнадцать лет, дважды в неделю отец вытаскивал меня на ринг, где с упоением доказывал мне, что я все еще слабый мальчишка, не способный за себя постоять. Доходило даже до того, что после таких тренировок моя моча по цвету напоминала молодое красное вино. Да, Серхио Эрнандес Гарсия далек от того образа, что обычные люди вкладывают в слово «отец».

Окончательно переварив в голове порцию гнева, я ответил:

– Да это и мыслями назвать сложно... так, отголоски сознания. Засыпая, я вижу не сны, а лишь набор воспоминаний. Знаешь, будто смотришь в отражение на воде, которое искажено волнами. Общие очертания понятны, но содержания не уловить. Меня... меня это невероятно злит.

– Сейчас злость – твой главный союзник. В ближайшее время про жалость к себе нужно забыть. Воспринимай это как обязательный атрибут лечения. Как только всё закончится – ясность ума вернется окончательно, – отец закончил свою мысль и запил последний кусок телятины глотком ароматного кьянти.

– Наверное, ты прав, – несколько отрешенно кивнул я.

Оставшаяся часть трапезы прошла в полной тишине. Возможно, оно и к лучшему. Парадоксально, но сейчас мне хотелось больше всего побыть наедине со своими мыслями. Забавно, что двух лет наедине с самим собой мне оказалось недостаточно.

После завтрака отец повел меня на наш тренировочный полигон. По крайней мере, я так привык его называть. Это была комната в подвальном помещении поместья. Дедушка Диего давным-давно оборудовал там винный погреб, но сейчас отец нашел ей применение получше.

Погреб был примерно пять на пять метров. Он был заставлен бытовой утварью, старой мебелью и винными бочонками. Для того чтобы освободить в нем место для тренировок, отец растащил запылившееся барахло по углам и оснастил помещение скамейкой со штангой, перекладиной и навесной грушей.

– Как обычно? Силовые и кардиотренировки, а потом занятие в тире?

– Нет, сегодняшнее занятие можешь расценивать как выпускной экзамен. Для этого придется прибегнуть к нагрузкам максимально приближенным к условиям реального боя. Нам пора понять, готово ли твое тело, – объяснил отец.

– Хочешь, чтобы я заборол свинью?

В этот момент неведомая сила заставила старика остановиться, будто он увидел перед собой неразорвавшийся фугасный снаряд. Он молниеносно развернулся в мою сторону и нанес скользящий удар с левой в область печени. Да, с возрастом силы не оставили старика. Внутренний голос сказал, что если я не упаду сию же секунду на колени и не буду жадно проглатывать остатки подвального воздуха, то потеряю сознание раньше, чем успею взвизгнуть. Я решил к нему прислушаться.

– На протяжении двух лет я боролся за твою жизнь! Не смей относиться к этому несерьезно! – гневно прорычал отец, а его всегда холодные и невозмутимые карие глаза вмиг налились кровью.

Наконец-то вернулся старик Гарсия. Я уже стал по нему скучать. Он угрожающе держал перед моим лицом крепко сжатый кулак, который немного дрожал, а багровый оттенок его лица был легко различим даже в плохо освещенном коридоре. Пульсирующие сосуды на лбу и крепко стиснутые губы свидетельствовали о подлинной ярости, что переполняла старика.

Я почувствовал себя зеленым кадетом, которого отчитывает курсовой офицер. Да, могу только представить, в каком аду приходилось выживать людям, находившимся под его командованием.

– Поднимись и соберись с мыслями. Это последний подготовительный этап. Я верю, что ты в силах с ним справиться, – отчеканил отец, успокоившись так же быстро, как и вскипел.

Я восстановил дыхание, поднялся с коленей и промолвил:

– Я готов, давай уже закончим с этим.

Старик открыл дверь и взглядом указал, чтобы я заходил первым. Пару минут назад он ясно дал понять, что настроен максимально серьезно, поэтому я решил не дерзить и беспрекословно послушался.

В этот раз свет в подвале был включен наполовину, и большая часть помещения скрывалась в кромешной тьме. Я провел рукой по шершавой стене, нащупал переключатель, зажег оставшиеся лампы и только тогда разглядел, что в середине погреба сооружено что-то напоминающее ринг.

– Ты решил со мной побоксировать? Знаешь, я, конечно, не в лучшей форме, но сломать тебе пару-другую ребер вкупе с челюстью смогу.

– Да, состоится спарринг, но твоим оппонентом буду не я, а он, – отец взглядом указал в глубину комнаты.

В этот момент из-за напольного шкафа вышел рослый мужчина. Крепко сбитый детина лет тридцати. С виду обычный головорез, подобных которому можно легко найти в любом неблагополучном районе. Он был одет в протертый джинсовый комбинезон, измазанный пятнами грязи, старую льняную рубашку в клетку и давно изношенные сапоги.

– Это ты о нем говорил, старик? – выдавил из себя с трудом незнакомец. Произнося слова, он немного запинаясь, а некоторые звуки и вовсе проглатывал. Скорее всего, причиной тому было отсутствие половины зубов во рту детины. Хотя было очевидно, что он в принципе не предпочитает размениваться на ненужные разговоры и привык решать любые вопросы силой.

– Да. Если сможешь его убить любым доступным способом, получишь оговоренную сумму, – невозмутимо ответил Серхио, сложив руки на груди и приготовившись наблюдать.

– Что ты затеял, отец...

В эту же секунду я почувствовал, как кулак оппонента врезался в мою левую скулу, словно поезд в молодую корову. Не знаю, на сколько я отлетел. Метра на два, так точно. Инстинкты подсказали, что, если я хоть на секунду задержусь на полу, род семьи Гарсия закончится бесславно и скоротечно. И вот я уже снова стою на ногах, а разъяренный противник несется на меня в надежде прикончить за ближайшую пару минут. Самое обидное, что у него есть все шансы.

Амбал вновь попытался нанести удар в лицо, на этот раз с левой. Нет, меня этим не проймешь. Я отвел удар тыльной стороной руки и врезал ему со всей силы в челюсть. Опешивший детина сделал несколько шагов назад. Видимо, отец его уверил, что бой будет легким. Да, обманывать идиотов в его стиле.

Я воспользовался тем, что противник потерял ориентацию, прошел ему в ноги и перевел бой в горизонтальное положение. Первый, второй, третий... с каждым моим ударом его лицо

теряло человеческие очертания. Нос бедолаги по форме стал напоминать промокшую лепешку, а глаза окончательно закрылись из-за отеков.

Шестой, седьмой, восьмой... Теперь то, по чему я колотил руками, мог бы назвать лицом только самый отчаянный экспрессионист. Только сейчас я понял, что незнакомец уже давно не в сознании и, скорее всего, отдал душу Господу.

По истечении пары мгновений я осознал, что за последний месяц еще не чувствовал себя так хорошо. Со мной все нормально? Я только что голыми руками заколотил до смерти человека. Да, я и раньше убивал людей. Но сейчас мне стало ясно, что огнестрельное оружие не передает то несравнимое животное чувство, которое испытываешь, когда отнимаешь жизнь собственными руками.

Уверен, что я бы и дальше молча смотрел на свою «работу», если бы отец меня не окликнул:

– Очень хорошо. Меньшего от тебя я и не ждал, – сдержанно одобрил он.

– Я сам от себя такого не ждал.

– С ним разберутся, можешь не переживать. А ты иди отдыхать, завтра вылет, – всё тем же будничным тоном сказал он.

Я же не отводил глаз от человека, лицо которого превратил в разорванную боксерскую грушу. Военные придумывают себе разные причины любить свое ремесло. Многие со временем начинают обожать это эксклюзивное право – лишать других жизни. Я не был из их числа. Никогда не получал удовольствия от убийств. Мною это воспринималось как отягощающая душу обязанность. Так мне было спокойнее. Но почему же каждая фибра во мне верещала от удовольствия, когда я буквально выбивал жизнь из тела этого бедолаги? Черт меня побери... мне страшно даже представить... Неужели я всегда был таким? Нет, это последствия травмы. По крайней мере, мне хочется, чтобы так было.

Я всеми силами попытался отвести взгляд от поверженного противника, но глаза отказывались меня слушать. Поза, в которой лежало бездыханное тело, напомнила мне полотно Джона Милле «Смерть Офелии». В ней, как на картине английского живописца, выражалось смиренное принятие своей участи. Ни гнева, ни ужаса... По-моему, я создал нечто прекрасное. Ход мыслей прервал низкий голос отца:

– Лаутаро, я же сказал: ты можешь идти.

– Да, ты прав. Мне нужно набраться сил.

Я попытался сделать вид, будто случившееся никак на мне не отразилось, но актер из меня никудышный. Я был восхищен и одновременно напуган полотном, что сотворили мои руки.

«Красота в глазах смотрящего», как говорил Оскар Уайлд. Я молча покинул погреб. Все, чего мне хотелось, это смыть с себя остатки этого дня.

Я поднялся по лестнице и направился напрямик в душевую. По пути мое внимание привлекла открытая дверь отцовского кабинета. Странно, обычно он его запирает... Детское любопытство заставило заглянуть меня внутрь. Кабинет представлял собой отражение своего хозяина: строгая мебель, бесчисленное множество наград на стенах, фотографии с политическими лидерами страны и подчиненными. Погоди-ка... этой фотографии я не припомню. На фотокарточке отец в военной форме образца семидесятых годов. Он тогда командовал специализированным разведывательным подразделением. На фотографии отец стоял в окружении трех неизвестных мне людей. По всей видимости, они на каком-то городском празднике. Улицы города украшены зелеными лентами, повсюду установлены торговые ярмарочные палатки... на заднем плане виднелась надпись “Espada de Mare cucumberfest”. Н-да... по-моему, я еще не до конца пришел в себя.

Мне нужен отдых.

Лаутаро Эрнандес Гарсия

Сын высокопоставленного военнослужащего Серхио Эрнандеса Гарсии.

Возраст: 29 лет.

Рост: 181 см.

Цвет волос: угольно-черный

Телосложение: атлетическое

Цвет глаз: карий

Внешность: Лицо треугольной формы, ярко выраженные скулы, тонкие губы, высокий лоб.

Навыки: управление наземной и воздушной военной техникой. Отличный боец, знаком с техниками крав-маги и джиу-джитсу. Высокий уровень владения огнестрельным оружием разных типов.

Получил военное образование в одном из университетов министерства обороны Аргентины. По окончании проходил службу в войсках специального назначения Аргентины. Многократно награжден государственными орденами за успехи и доблесть в воинской службе.

Во время военной операции получил травму головы, которая лишила его навыков коммуникации и способности передвигаться без помощи посторонних. В настоящее время живет в поместье своей семьи в пригороде Буэнос-Айреса, не может ухаживать за собой самостоятельно.

Глава 3. Уйти, чтобы вернуться

Не могу сказать, что, когда я покидал родовое поместье, меня угнетала грусть или схожее с ней чувство. В последнее время дом семьи Эрнандес служил мне больничной палатой. Я был даже рад вырваться из своей темницы. Эти несколько дней вне дома пойдут мне на пользу. В противном случае люди запомнят меня как самого отчаянного забойщика скота во всей Аргентине.

Отец сказал, что мне предстоит прибыть в Лос-Анджелес. Весь путь займет около шестнадцати часов с учетом дороги до аэропорта. Сегодня в полдень я вылечу из Буэнос-Айреса, куда меня согласился отвести давний знакомый отца, не задавая при этом лишних вопросов. Приятно осознавать, что имя старика до сих пор еще что-то значит.

От старшего Гарсия я не получил даже напутственного слова. Наш разговор больше походил на инструктаж перед военной операцией. Он объяснил мне правила «игры», в которой мне предстояло принять участие, дал пару-другую советов по тактике ведения боя на местности без предварительной разведки и велел записывать интервалы между приступами. Не то чтобы я нуждался во всем вышеперечисленном, но мне было приятно его слушать. Из уст отца даже самая откровенная чепуха казалась жизненно важной информацией.

Я далеко не сентиментальный человек, таким стать проблематично, будучи сыном прожженного до мозга костей военного. Но он даже не пожал мне руки, не похлопал назидательно по плечу. Неужели он настолько уверен в моем успехе? Не верю. Скорее выражать чувства просто не в его природе.

Дорога в аэропорт, как и перелет до Лос-Анджелеса, выдалась спокойной. Меня это одновременно радовало и пугало. В какой момент мой рассудок снова начнет давать сбой? Последний припадок был в четыре часа утра прошлого дня. С того времени я так и не заставил себя заснуть. Казалось, что от моих рук до сих пор исходит зловоние телячьей крови. Закрывая глаза, я вновь и вновь видел связанный скот с перерезанными глотками в амбаре нашего поместья. Невольно вспоминал, как животные истошно дергались от каждого удара моего ножа. Возможно, только благодаря этим воспроизводимым образам я до сих пор не потерял контроль над самим собой.

По прилете меня встретили трое мужчин и проводили в автомобиль. Они напоминали деревянных солдат Урфина Джюса. Казалось, что их нанимали на работу на конкурсе двойников Дольфа Лундгрена – оба высокорослые, короткостриженные, с одинаковыми чертами лица и антропометрическими данными.

В их сопровождении я и был доставлен на огороженную забором территорию. Она разительно напоминала мне полигон, на котором я раз в полгода проходил военные учения. Больше всего меня удивило, что наш автомобиль даже не досматривали. Неужели тут каждый знает друг друга в лицо?

Как только водитель припарковал машину рядом с административным зданием, я впервые услышал голос одного из спутников. Признаться, я почти убедил себя, что речевыми навыками они не обладают.

– На этом всё, мистер Гарсия. Дальше вы сами. Зайдете через главный вход, а там вас сориентируют.

Я выдохнул с облегчением. Покинуть машину мне хотелось даже больше, чем упасть в объятия кровати после целого дня, проведенного в пути. Внутри здания ко мне мгновенно подошли двое верзил, визуально схожих с теми, что привезли меня сюда.

– Следуйте за нами, мистер Гарсия. Инструктаж начнется через пять минут. Опоздание не пойдет вам на пользу.

С этими словами один из них указал рукой на лифт. Дождавшись, когда створки лифта откроются, мои новые друзья любезно пропустили меня первым, после чего зашли сами. Стоит отдать им должное, безопасность здесь на высшем уровне. Эти парни ни на секунду не отвели от меня взгляд.

Как только двери лифта с лязгом закрылись, один из них по рации доложил, что они готовы, после чего кабина двинулась вниз. Seriously? Инструктаж будет проходить под землей? Вокруг этой базы за три километра нет ни души. Чего они боятся? Ох... я почувствовал себя в плохой пародии на фильм о Джеймсе Бонде.

Однако через пару секунд желание от души посмеяться бесследно пропало. Нет, снова это чувство... будто голову, на которую накинута плотный мешок, опускают в ведро с водой. Очередной приступ! Что делать?! Спросить, не найдется ли у них здесь молодого бычка или кролика, на худой конец? Идиот, конечно, острить сейчас самая мудрая идея. Черт... еще пара минут, и я отрублюсь. Лифт тем временем не прекращал опускаться. Не знаю, как мне пришлось в голову то, что я сделал. Кто понимает, чем руководствуется сумасшедший? Даже я не знаю ответ на этот вопрос.

Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох и что есть мочи ударил лбом о близлежащую стенку. Звук удара, наполнивший тесную коробку лифта, прогремел как китайский оперный гонг. От удара я чуть не потерял сознание и упал на колени, но цель оправдывает средства. Спустя пару мгновений я был достойно вознагражден. Щеки и губы почувствовали приятную теплоту ручейков крови, что сочились из рассеченной кожи на лице.

Не могу описать точно реакцию группы сопровождения, не всматривался в их лица. Мое внимание привлекло собственное отражение в солнцезащитных очках одного из охранников. В нем я увидел свою несуразную рожу, которая расплылась в довольной улыбке. Вместе с кровью из меня вытекало чувство того, что рассудок покидает мою и без того больную голову. Я с облегчением выдохнул... очередная маленькая победа. С рассудком возвратился и слух:

– Мистер Гарсия, вы в порядке? Что на вас нашло, зачем вы стали себя калечить?

– Да, всё в порядке, – сказал я, жадно облизывая языком капли крови, что скатились на края губ. – Просто не удержал равновесие, этот перелет вымотал меня. Нам долго еще ехать?

– Минута от силы. И больше без глупостей. Нам не нужны проблемы.

– Договорились, парни.

Деревянные солдаты не соврали, не прошло и минуты, как лифт спустил нас на подвальный этаж здания. Перед моими глазами предстал длинный коридор. Он вел, как я предположил, к месту инструктажа. Я ускорил шаг, поскольку не был до конца уверен, что нанесенная самому себе травма даст долговременный терапевтический эффект. Я открыл дверь и увидел перед собой объемное помещение, схожее с оперным залом. Потолок был около двадцати пяти метров в высоту. В конце зала располагалась сцена, на которой возвышалась деревянная трибуна.

Остальное пространство было занято стульями, на большинстве которых уже сидели ожидавшие начала мероприятия люди. Если бы я не знал обстоятельств, то подумал бы, что попал на собрание загородного гольф-клуба. Все присутствующие имели опрятный внешний вид и были одеты в строгую одежду. Так и не скажешь, что находишься в зале с сотней убийц. Были, конечно, и те, чей внешний вид отличался от остальных. Например, один парень на вид лет двадцати семи, сидевший в середине пятого ряда, напялил на себя наглаженную военную полевую форму. К чему эта показуха? Он думает, что кого-то сможет этим смутить или напугать? Идиот.

Я выбрал первое попавшееся свободное место и сел рядом с довольно симпатичной темноволосяй азиаткой. Она производила впечатление скорее секретарши топ-менеджера, нежели человека, которому предстоит принять участие в бойне: поверх белоснежной рубашки на ней был надет приталенный темно-синий пиджак с золотыми пуговицами, а ноги еле-еле прикры-

вала черная мини-юбка. Но все это меркло на фоне туфель на шпильке длиной с канцелярский карандаш. Может, она дверью ошиблась? Конечно, дамочка старалась не подавать вида, но было очевидно, что она взволнована до предела. Бедняжку выдавали с потрохами дрожащие колени и ритмичный стук каблучков, которым она, по всей видимости, пыталась заглушить нарастающую с каждой минутой тревогу. Что ж, где есть один дилетант, там есть и второй. Я расслабленно облокотился на спинку стула в ожидании начала мероприятия.

Спустя пару минут после моего прихода в зале уже не оставалось свободных мест. При этом в помещении стояла такая тишина, что было слышно, как гудят светодиодные лампы. Напряжение росло с каждой секундой. Казалось, что скоро оно станет настолько осязаемым, что его можно будет резать ножом.

Внезапно тишину нарушил стук туфель. В помещение зашел мужчина средних лет, одетый как ведущий старого телешоу: черный костюм-тройка, наполированная до блеска обувь и, как вишенка на торте, галстук-бабочка. Единственным его отличием от типичного шоумена было выражение лица, которое застыло в полном безразличии к происходящему. Не торопясь, он поднялся на сцену, занял место за трибуной, после чего неспешно и внимательно провел взглядом по залу.

– Друзья, не считите за грубость, но не вижу смысла тратить время на представления и другие проявления вежливости. В лучшем случае всего четверо из вас после окончания Королевской битвы увидят меня еще раз, поэтому перейдем сразу к делу. Сотня. Одна сотня храбрых мужчин и женщин прямо сейчас сидит передо мной в ожидании начала Королевской битвы. Каждый из вас пришел сюда по разным причинам. Кто-то испытывает острую нужду в деньгах, чье-то сердце трепетно жаждет власти, а чье-то неустанно требует мести. Но как только вы покинете стены этого здания, всех вас объединит одно-единственное желание – выжить. До прихода сюда вы были врачами, учителями, военными, продавцами, актерами, бизнесменами, преступниками и прочими. Но сейчас все в этом зале равны друг перед другом. Вам не помогут ваши деньги, статус, влияние, друзья. Вернетесь ли вы обратно в Лос-Анджелес, зависит лишь от того, насколько далеко вы готовы зайти в бескомпромиссной борьбе за жизнь. Место, куда вы отправитесь, откроет все карты и покажет, чего вы стоите на самом деле.

Думаю, большинство из вас отлично знают, что представляет собой Королевская битва, но протокол обязывает меня провести подробный инструктаж. Итак, Королевская битва – персональное испытание для каждого присутствующего здесь. Кто-то из вас попал сюда благодаря своему социальному положению, кто-то благодаря деньгам, а кто-то получил приглашение по нашей инициативе. В любом случае, вам крупно повезло, поскольку такая возможность достается единицам. Тем более награда стоит того: мы предлагаем победителю просить чего угодно! Хотите денег? Мы вас озолотим. Нужна власть? Легко! Или же вам нужно начать жизнь с чистого листа? Не проблема. Естественно, организаторы Королевской битвы не всесильны, но мы всегда стараемся максимально ублажить победителя, поскольку понимаем, на какой риск идет каждый из вас и какую цену вам придется заплатить.

Сейчас все присутствующие будут разделены на отряды по четыре человека. Уточню сразу, отряды создавались путем слепой жеребьевки, можете поверить мне на слово. После того как группы будут сформированы, вы подвергнетесь осмотру со стороны моих учтивых коллег. Прошу понять, что эта процедура продиктована благими намерениями. Мы должны убедиться, что ни у кого из присутствующих нет при себе предметов, которые дадут ему даже мизерное преимущество перед остальными. Честность для нас очень важна. Каждому из вас будет выдан один парашют, набедренная сумка и портативная интерактивная карта местности.

Ведущий сделал небольшую паузу, чтобы у собравшихся было время усвоить то, что он произнес.

– Ах да! Забыл упомянуть. Во время осмотра вам на руки поместят специальные браслеты, назначение которых я объясню позже, – на лице ведущего будто бы невольно появилась

деликатная улыбка. – Затем, отряды проследуют в самолет. Местом вашего назначения будет полуостров с кодовым названием Ольвидо, площадью 10 тысяч гектаров. Когда самолет достигнет указанного объекта, вы сможете покинуть его в любой момент. Также обращаю внимание, что отряд не обязан быть неразлучен. Каждый имеет право отделиться от группы, однако делать этого я не рекомендую.

На Ольвидо расположено пятнадцать крупных населенных пунктов, а также бесчисленное множество более скромных по размеру. Все они необитаемы. В зоне проведения Королевской битвы нет посторонних людей, поэтому расценивайте всех, кроме своих товарищей по отряду, как врагов. На всем полуострове разбросано оружие, боеприпасы, медикаменты, автотранспорт и другие полезные вещи. Исследуйте Ольвидо тщательно, ведь от этого зависит ваша жизнь. Согласитесь, что со старым добрым автоматом вы будете чувствовать себя куда спокойнее, чем с монтировкой.

А теперь перейдем к моей любимой части повествования. Как я говорил ранее, на вас надеты специальные браслеты. Они послужат своего рода «мотиватором». По всей площади полуострова расположены специальные устройства, которые активизируются через определенный промежуток времени. Как только эти устройства будут запущены, вам придут соответствующие уведомления на выданную интерактивную карту. Для простоты восприятия это будет изображено как постепенно сужающееся кольцо. Если вы будете находиться за пределами кольца, то браслет начнет непрерывно посылать в ваше тело ток. Внимание, чем уже кольцо, тем сильнее сила тока. Проще говоря, отсидеться у вас не получится. В конечном счете победит тот отряд или участник отряда, который останется последним выжившим. Актуальная информация о количестве выживших отображается на ваших интерактивных картах. У кого-нибудь есть ко мне вопросы?

Я с трудом переваривал те сведения, что донес до нас ведущий. В достоверность происходящего было сложно поверить. Именно в такие моменты понимаешь, насколько низко ценится человеческая жизнь. В голове всплыли слова отца: «Нет ничего хуже жалости». Меня никто жалеть не будет. Мой недуг оказался как никогда к месту.

Ход мыслей прервала возобновившаяся речь ведущего:

– И еще, господа и дамы. Обращаю ваше внимание на то, что убивать участников своего отряда строго запрещено. Если только они не предприняли попытку убить вас, – сказал он с некой иронией. По всей видимости, мы далеко не первые, кого он инструктирует.

– Итак, раз вопросов нет, я оглашу список отрядов. Услышавших свои имена, прошу собраться передо мной, а потом пройти к выходу из помещения для прохождения осмотра.

Мой отряд был под номером двадцать два. К этому времени большая часть присутствующих покинула зал.

– Лаутаро Эрнандес Гарсия, – произнес ведущий.

Услышав свое имя, я медленно поднялся со стула и направился в сторону трибуны. Ведущий убедился, что я тот, чье имя он назвал, и продолжил оглашать членов отряда:

– Люк Леруа, Артур Крейн и Хлоя Ларнер.

Сквозь череду покидающих зал людей мои глаза увидели очертания трех фигур, приближающихся к сцене. Невидимая нить свяжет меня с этими людьми на ближайшую пару дней. Готов ли я доверить им свою жизнь, а они мне свою?

Уверен, что нет.

Как я говорил, отец не был красноречив перед моим отъездом. Пока мы стояли на пороге дома в ожидании водителя, он сказал:

– Сын, попав в это место, ни при каких обстоятельствах никому не доверяйся. Рассчитывай только на самого себя.

– Как ты, старик? Ты вообще никому не доверяешь.

– И я ни разу не ошибся.

Хоук

Настоящее имя: неизвестно

Рост: 170

Телосложение: стройное

Цвет глаз: бледно-голубой

Характер: Педантичен и честолюбив.

Предпочитает деловой стиль общения. Интеллигентен во всех смыслах этого слова. Однако за маской джентльмена скрывается холодный, расчетливый и безжалостный человек, для которого не существует ничего важнее исполнения воли своих работодателей. С легкостью отдает приказы подчиненным об устранении людей, представляющих угрозу для организаторов Королевской битвы.

Прошлого человека, который известен как Хоук, покрыто не меньшей тайной, чем происхождение Королевской битвы. Никому не известна его национальность, есть ли у него семья, друзья или враги. Некоторые в шутку говорят, что у Хоука даже нет другой одежды, кроме наглаженного черного костюма с галстуком-бабочкой. Однако, каждому понятно, что визит Хоука не сулит ничего хорошего.

При знакомстве представляется посредником организаторов Королевской битвы, который следит за ее проведением и отвечает за набор участников. Но это лишь пыль в глаза, которую за годы своей службы Хоук научился искусно бросать своим собеседникам. Хватит и одной минуты разговора, чтобы понять, за что на Хоука возлагают такие важные обязанности: он хитер, невероятно расчетлив и насквозь видит своих собеседников. Хоук является тем человеком, перед которым ни в коем случае нельзя показывать свои слабости, потому что, будьте уверены, он ими обязательно воспользуется.

Глава 4. По разным полюсам

В тот момент меня переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, все мое нутро замерло в ожидании начала Королевской битвы, с другой же – инстинкт самосохранения, словно уличный зазывала с рупором, призывал меня немедленно покинуть расположение базы и бежать куда глаза глядят. К его несчастью, я уже давно не прислушиваюсь к инстинктам.

Наконец-то я встретился со своим отрядом. Первое впечатление оказалось положительным. Двое из членов отряда были крепкими мужчинами. Один из них примерно моего возраста, высокий и широкоплечий блондин. Второй – постарше, может, лет на десять, но по нему было видно, что для своих лет он находится в отличной физической форме. Третий член отряда – рыжеволосая девушка спортивного телосложения. Думаю, она тоже моя ровесница, хотя мне всегда было сложно точно определить возраст женщины.

Ничего, кроме посредственного до боли в зубах «привет», я не смог из себя выдавить.

– Здравствуй, месье Эрнандес, – с легким французским акцентом произнес статный мужчина, одновременно протянув руку в попытке рукопожатия, – меня зовут Люк Леруа. Рад нашей встрече.

– Это взаимно, Люк. Можешь звать меня просто Лаутаро. Во время сражения нам будет не до условностей.

Затем я протянул руку блондину. Он бросил на нее презрительный взгляд, после чего сухо произнес:

– Артур. Артур Крейн. Не люблю рукопожатия. А тебя, Веснушка, как величать?

– Хлоя Ларнер, шутник. Когда ждать следующую остроту? Или ты не контролируешь то, что вылетает из твоего рта?

– Оу, киска сразу показывает коготки? Вижу, что в обиду себя не дашь. Выходит, полет будет нескучным, – с насмешкой произнес Артур.

– Джентльмены... и леди, – прервал нашу беседу ведущий, – у вас будет достаточно времени для знакомства. Прошу следовать на досмотр.

Каждому из нас было понятно, что это не просьба. Ведущий производил впечатление человека, обладающего невероятной властью. Мне не хотелось провоцировать его на то, чтобы он ею воспользовался.

Процедура досмотра ничем меня не удивила. Немного смутило то, что нас четверых досматривали одновременно. Охрана заставила нас раздеться до нижнего белья, проверила верхнюю одежду на наличие посторонних предметов, после чего на каждого надела облегающий металлический браслет. То самое устройство, о котором говорил ведущий.

– Ребята, а когда я вернусь обратно, мне эту безделушку оставят на память? Думаю, она отлично будет смотреться рядом с моим школьным кубком по софтболу.

Естественно, наш блондин не смог не отреагировать на это очередной остротой. С этим шутком стоит ждать проблем. Всю свою сознательную жизнь я провел в учреждениях, так или иначе связанных с боевой подготовкой. Проводя длительное время в мужском коллективе, невольно начинаешь присваивать его членам определенные роли, словно в театральной постановке. Так вот, Артур, если я правильно запомнил его имя, хочет играть роль шута. Самолюбивого отщепенца, слепо уверенного в том, что он не нуждается в команде, а вот команда нуждается в нем. Такие люди опасны в первую очередь из-за того, что мешают слаженно работать остальным членам отряда. Проще говоря, Артур – паразит. Вредоносный организм. Если я хочу остаться в живых, то необходимо от него как можно скорее избавиться либо заставить подчиняться мне беспрекословно. Благо я способен как на первое, так и на второе. Хотя, может, я делаю преждевременные выводы? Что если он просто идиот и мне не стоит так сильно переживать по этому поводу? Время покажет.

По пути к самолету каждому из нас выдали парашют, интерактивную карту и набедренную сумку. Само воздушное судно чем-то напоминало американский C-17 Globemaster III, предназначенный для доставки войск, оружия и военного оборудования. Правда, внутри он был немного модернизирован: сиденья в салоне располагались таким образом, чтобы четыре пассажира сидели друг напротив друга по двое. Очевидно, такое решение было принято, чтобы ограничить общение между противоборствующими отрядами.

Командир воздушного судна сообщил, что выпрыгнуть из самолета можно будет только после того, как загорятся красные лампочки в носовой и в хвостовой части салона. Помимо пилота на борту также находилась вооруженная охрана. По всей видимости, эти парни следили за тем, чтобы все пассажиры сумели покинуть самолет.

Мы заняли места в хвостовой части. В салоне самолета отсутствовали иллюминаторы, поэтому мы даже не представляли, в каком направлении летим. Напротив меня расположилась Хлоя Ларнер, а Люк и Артур заняли места у прохода. После взлета прошло около двадцати минут, а никто из нас не проронил и слова. Словесную засуху прервал низкий голос француза:

– Друзья, я думаю, лучшей возможности узнать друг друга нам больше не представится. Повторюсь, меня зовут Люк Леруа. Родился и прожил всю жизнь в городе Монпелье. Мне сорок три года. Впрочем, думаю, что это исчерпывающее мое описание, – сказал Люк, проронив искреннюю улыбку.

С этими словами он достал из-за пазухи небольшую фляжку и сделал аккуратный, но объемный глоток.

– Оу, прошу прощения, кто-нибудь хочет немного освежиться?

– Не откажусь, Люк, – с улыбкой ответила наша спутница, после чего деликатно чуть отпила содержимое фляги.

– Ох, мистер Леруа. Вы полны сюрпризов, – выдавила из себя Хлоя. – Я была почти уверена, что внутри фляги вино, но никак не коньяк. В полдень мой организм не принимал в себя алкоголь с тех пор, как я была студенткой.

– То есть совсем недавно? – произнес Люк, продолжая приветливо улыбаться.

Откровенную лесть француза Хлоя не сочла сверхмерной и ответила Люку взаимной улыбкой.

– К моему глубокому сожалению, это было довольно давно, мистер Леруа. Я доктор социологических наук и врач-психотерапевт. Расскажите, как вам удалось пронести на борт алкоголь? Нас ведь довольно скрупулезно досматривали.

– Хлоя Ларнер? Да, я... я читал ваши книги. Боже, дай сил мне вспомнить... «Истинная природа человека»! – чуть ли не прокричал Люк. – Ваши труды поистине великолепны, доктор Ларнер. Я большой ваш поклонник. А насчет алкоголя... скажем так, я дал понять охранникам, что деньги, которые они нашли во время досмотра, определенно принадлежат не мне. Благо этих людей долго убеждать не надо, поэтому они смогли закрыть глаза на алкоголь.

– Вы полны сюрпризов, мистер Леруа, – повторила снова Хлоя, – не ожидала встретить своего читателя в таком экзотическом месте. Позвольте узнать, Люк, представителю какой профессии оказались полезны мои труды?

– Боюсь вас разочаровать, доктор Ларнер, но я не могу себя отнести ни к какой из известных профессий. Термин «безработный» ко мне подходит лучше всего.

– Разве слуге божьему дозволено лгать своей пастве? – вклинился в разговор Артур. Улыбка мгновенно пропала с лица Люка. Ее место заняла гримаса, выражающая целый спектр неожиданно нахлынувших эмоций: изумление, тревога, страх. Я решил не прерывать Артура. Этому засранцу удалось заинтриговать даже меня.

Люк взял себя в руки и с потугами выдавил из себя:

– Месье Крейн, если не ошибаюсь?

– Он самый, – самодовольно произнес Артур.

– Не объясните ли всем присутствующим причину вашего умозаключения? – сказал Люк, изо всех сил пытаясь сохранить остатки самообладания.

– Хах, почему бы и нет, святой отец. В любом случае, это занимательнее, чем выслушивание ваших взаимных словесных реверансов.

Артур облокотился локтями на свои колени и устремил взгляд прямо на Люка. Со стороны он напоминал взрослого, который отчитывал нерадивого ребенка.

– Когда мы втроем вышли к ведущему, вы, мистер Леруа, протянули руку нашему загорелому спутнику Лаутаро. Я сразу обратил внимание на многочисленные порезы от бумаги на подушечках указательного и безымянного пальцев. Тогда я предположил, что вы являетесь обычным офисным сотрудником, работа которого обязывает перелистывать большой объем документов. Однако, как только мы перешли к процедуре досмотра, эта версия сразу отпала.

Там я увидел ссадины на шее, которые появились, скорее всего, в результате ношения увесистого украшения, вероятно, цепочки или точнее цепи. Такое тяжелое украшение может позволить себе только обеспеченный человек, но, судя по вашей одежде и дешевым часам, что отняли на досмотре, это не про вас. Соответственно, данная цепь является вашим профессиональным внешним атрибутом.

Также сразу бросилась в глаза ваша щетина. Очевидно, что побрились вы недавно, причем впопыхах. Видно, что раньше вы носили более объемную бороду, но по неизвестным обстоятельствам вам пришлось ее сбрить. Но зачем? По всей видимости, чтобы скрыть от посторонних глаз свое прошлое. Вероятно, борода тоже являлась важным внешним атрибутом. Оставшаяся неправомерная щетина говорит о том, что вам не хотелось полностью лишиться растительности на лице. Интересно, почему? Я бы предположил, что вы относитесь к своей профессии с большой любовью и энтузиазмом, поэтому вам так важно оставить для себя некое напоминание о той жизни, что протекала до прибытия на Королевскую битву.

Но окончательно я убедился в правоте своих предположений, когда увидел, с какой легкостью вы отпили примерно четверть припрятанной фляги с коньяком. У вас устойчивая зависимость от спиртного, с которой вы не в силах совладать. Руки трясутся, а в голове каша, если до полудня не закинуть за воротник. Итак, что мы имеем? Порезы на пальцах вы получаете регулярно, переворачивая листы Священного Писания на воскресных службах. Появлению порезов также способствуют вечно трясущиеся руки, которые извиваются, словно вылезшие из земли черви после дождя и отказываются вас слушать, пока организм не получит очередную дозу спиртного. Ссадины на шее – не что иное, как следы ношения цепочки с увесистым распятием.

Вы обмолвились, что всю жизнь прожили в Монпелье, что на юге Франции. Большую часть времени в году там царит страшная жара. Наверняка во время длительной службы пот так и течет с вас ручьем, что только усложняет ношение такого массивного религиозного атрибута. Ни для кого не секрет, что работа священника – тяжелый, хоть и бессмысленный труд. Уверен, что на вашем месте я тоже пристрастился бы к стакану. Ну, и ко всему прочему в академии, где я учился в юности, только от учителя по духовенству исходил регулярный запах спиртного, – смеясь, произнес Артур. – А теперь повторю свой вопрос: разве слуге божьему дозволено лгать своей пастве?

Стоит отдать должное Артуру. Своей словесной тирадой он буквально стер образ шута из моей головы. Он оказался гораздо опаснее для всего отряда, чем я думал. Своей речью он, словно змей, сдавил горло несчастному Леруа. Священник не смог выдавить из себя ничего, кроме:

– Впечатляюще, мой друг.

– Я вам не друг, мистер Леруа. Я – заложник обстоятельств. Я бы предпочел буквально любого другого члена отряда, но только не священника. Разве ваши убеждения не запрещают вам отнимать чужие жизни?

– Так и есть. Я не намерен отнимать чужие жизни. Но это не значит, что от меня не будет никакой пользы. Я довольно неплохой врач, а также не обделен физической силой. Уверен, что обузой я не буду.

В этой ситуации я полностью разделял мнение Артура. Но мне совсем не хотелось, чтобы этот самодовольный ублюдок знал об этом. Сейчас Люк Леруа воспринимался мною как балласт, который будет только мешаться под ногами. Ему придется либо забыть о существовании Бога на несколько дней, либо в скором времени отдать ему душу.

– Ну что, впечатлена, Веснушка? – не скрывая ехидства, произнес Артур.

– Вы так защищаетесь, Артур? Думаете, что, выставив себя моральным говнюком, сможете кого-то впечатлить? Сейчас вы напоминаете мне шкодливого ребенка, который пытается привлечь внимание взрослых. Жалкое зрелище, – невозмутимо озвучила свое мнение Хлоя.

– Благодаря мне ты сможешь вернуться домой, Веснушка. Естественно, если будешь меня беспрекословно слушаться. В противном случае мне придется передать траурный букет твоему папаше.

Глаза Хлои мгновенно налились кровью. Казалось, что она, не дожидаясь начала Королевской битвы, устранил одного из участников.

– Сукин сын, а ну-ка повтори!

– Оу, снова показываешь коготки?! Такой ты мне больше нравишься, Веснушка.

Не то чтобы мне было не плевать на чувства Хлои Ларнер, но блондин парадоксально быстро вызвал у меня устойчивую антипатию. Настало время вмешаться:

– Закрой рот, Артур. Сейчас есть более важные темы для обсуждения.

Внимание Артура мгновенно переключилось на меня. Во взгляде читалось явное желание вывести из себя последнего участника команды. Думаю, таким способом он пытался доказать нам всем, что он единственный, кто способен сохранять холодную голову в стрессовой ситуации. Как же он заблуждается.

– Ах, Лаутаро. Верно? Я и забыл, что ты здесь! Тебя не укачивает? – с присущей ему ехидностью произнес Артур.

– Твои дешевые провокации со мной не сработают. Кончай молоть бесполезную чушь, иначе я заставлю тебя замолкнуть.

После моих слов лицо блондина приняло то же выражение, что и во время пронзительного монолога о личности Люка. Да, когда этого требовали обстоятельства, Артур умел быть предельно серьезным.

– И как же ты меня заставишь замолчать, дружок? Думаешь, хватит сил? – сказал Артур, вскакивая с кресла.

– Я в этом уверен, – ответил я и тоже поднялся.

– А я уверен в том, что ты обычный пустозвон, который думает, что может мне что-то противопоставить.

– Да, у меня нет твоих впечатляющих аналитических способностей. Но как соперника я тебя оценить могу легко благодаря богатому боевому опыту. И очевидно, что опасности ты для меня не представляешь. У тебя нет ни одного шанса против меня.

Проглотив и переварив каждое мое слово, Артур бросил в мою сторону пронзительный, полный ненависти взгляд. Да, блондину не нравится, когда его недооценивают. Его самолюбие и есть его слабость.

– На словах ты убедителен, Лаутаро. А что на деле?

– Ты выставил вперед левую ногу.

– И что с того?

– Это говорит о том, что ты дилетант. Вполне возможно, что это привычка, поскольку ты правша. Но все равно это ошибка. Этим ты раскрыл мне все свои планы. Если ты захочешь на меня напасть, тебе придется согнуть корпус для нанесения удара рукой, вероятнее всего,

правой. Когда ты повернешься для удара, я навяжу тебе борьбу и повалю на пол. Твой рост примерно метр девяносто, а вес около восьмидесяти пяти килограммов. В более просторном помещении у меня, возможно, были бы с тобой проблемы, но сейчас для моей победы самые благоприятные условия.

Ты, наверно, сейчас думаешь: «Почему этот Выходка решил, что я не успею нанести ему удар ногой в лицо?» Возможно, ты и сам не обратил на это внимание, но капсульно-связочный аппарат правого голеностопа у тебя немного поврежден. Я услышал характерный хруст, когда ты менял позу при разговоре с Люком. Соответственно, если ты решишь сделать мощный рывок для нанесения увесистого удара ногой, то испытаешь хоть и не сильный, но неприятный болевой позыв, что на долю секунды нарушит концентрацию и замедлит тебя. Мне этого времени хватит, чтобы повалить тебя на землю, нанести удар ногой в пах и впоследствии отправить к праотцам десятком ударов по голове. Да, ты сложен более атлетически чем я, по крайней мере сейчас, но мне и не понадобится много усилий, чтобы взять над тобой верх. Поэтому я повторюсь: закрой свой рот, Артур.

Лицо этого самовлюбленного придурка нужно было видеть. Он определенно обескуражен, а может, даже и напуган. Наглая ухмылка бесследно пропала и точно не появится до конца полета. В этот момент к нашим креслам начал вальяжно приближаться один из охранников. Артур, не желая привлекать лишнего внимания, спешно занял свое место и сказал:

– Мы продолжим этот разговор позже, Амиго. Можешь быть в этом уверен.

Пилот самолета по громкой связи сообщил, что мы подлетаем к началу зоны высадки. На наших картах появилось очертание местности, ограниченной с севера, запада и востока скалами и морем со стороны юга.

– Нам нужно определиться с местом высадки, – сказал я, – это одно из самых важных решений. Я предлагаю выбрать населенный пункт под названием Суэно-де-Вирано. Он находится недалеко от центра региона и расположен рядом с шоссе, что опоясывает всю территорию полуострова. Что скажете?

– Я не обучен военному делу, Лаутаро. Я полностью полагаюсь на вас, – сказал отец Люк.

– Отлично. Доктор Ларнер, что скажете?

– Солидарна с Люком. Очевидно, что вы более компетентны в этом вопросе, – кивнула Хлоя.

– Артур, что думаешь? Тебя устраивает место высадки?

– Разумеется, нет. Ты согласишься как большинство противостоящего нам стада. Очевидно, что в эту область прыгнет большинство противников. Я не вижу смысла лишний раз подставляться под пули. Город Эспада-де-Мар подходит идеально. Он находится в приличном удалении от центра всей местности: там можно спокойно найти снаряжение, транспорт и следовать вместе с уменьшающейся зоной. Даже если туда спрыгнут и противники, город достаточно большой, чтобы успеть разжиться оружием и легко оттуда выбраться на лодке или на автомобиле, – самодовольно бросил Артур.

– Я уже думал об этом. Далеко не факт, что мы сможем первыми найти там транспорт. Ко всему прочему, зона боевых действий может быть очерчена в любом месте. А что если нам не повезет и она появится на другом конце полуострова? Нам придется практически «голыми» добираться до зоны пешком, рискуя умереть за ее пределами от ударов тока.

Мои слова прервал громкий голос пилота, который сообщил, что мы находимся в зоне высадки. С открытием створки грузового люка в салон самолета ворвался громкий рев двигателей. Часть наших противников спешно начала надевать выданные парашюты.

– Ты не понял меня, амиго. Я не предлагаю место высадки. Я лишь говорю, куда направляюсь сам! – не без раздражения прокричал Артур. – Мне плевать, куда хотите высадиться вы. Если хотите жить, следуйте за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.